

«ПО ПУТИ ЛЕНИНА К СЧАСТЬЮ И СЛАВЕ...»: ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА 1940–1960-х гг. И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Анализируется процесс формирования представлений о ценностных основах, достижениях, ожиданиях и авторитетах советского человека 1940–1960-х гг., составлявших единый политический идеал. Его конкретное идейное содержание рассматривается, во-первых, с официальной точки зрения, которая наиболее наглядно отражалась в лозунгах и образах визуальной пропаганды, а во-вторых, с позиции простых граждан СССР, сохранившейся в воспоминаниях и письмах во власть.

Ключевые слова: СССР; визуальная пропаганда; политический идеал; письма во власть; коммунизм; революция; Ленин; Сталин.

Каждая идеология, заинтересованная в организации и сплочении общества, сталкивается с проблемой формирования доходчивых и непротиворечивых политических образов. Для идеократических государств, к которым цивилизационно относится и Россия [1. С. 15], решение данной задачи вообще обретает основополагающий смысл. Вместе с тем в настоящее время идейные рамки дальнейшего развития нашей страны все еще четко не определены. Поэтому представляется особенно актуальным критический анализ исторического опыта идеологической работы, который ниже будет построен на примере некоторых аспектов советской массовой пропаганды конца 1940-х – начала 1960-х гг.

Избранный для рассмотрения период во многих отношениях был знаковым. Исследователи, различающиеся по предметным областям и взглядам, сходятся в том, что именно тогда в СССР произошли серьезные сдвиги, обусловленные отходом от мобилизационных принципов развития общества [2. С. 546], постепенной сменой поколений [3. С. 54–55] и изменениями в мировоззренческих установках граждан [1. С. 148–151]. Особое внимание к политической жизни диктовалось и

курсом советских руководителей, когда после победы в Великой Отечественной войне коммунизм был провозглашен в качестве глобальной цели. «Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме», – за 12 лет до повторения Н.С. Хрущевым эта фраза была произнесена на XI съезде ВЛКСМ первым секретарем ЦК организации Н.А. Михайловым [4. С. 160]. На этом фоне по-особому осмыслились ценностные основы, достижения, ожидания и авторитеты советского человека, составляя единый политический идеал. Целью данной статьи являются реконструкция этого идеала и определение характера его влияния на изменения общественных настроений в СССР. Исследование велось в двух взаимосвязанных измерениях. Во-первых, официальная точка зрения, которая в наиболее яркой и доходчивой форме распространялась визуальной пропагандой. Путем количественного и качественного анализа 2 860 советских плакатов периода 1946–1964 гг. выявлялась динамика и специфика отражения в ней политически значимых смысловых категорий, таких как *революция, социализм, коммунизм, партия*, а также образов *вождей* (таблица).

Политические категории в плакатных лозунгах СССР

Год	Революция		Социализм		Коммунизм		Партия		Ленин		Сталин		Всего плакатов
	Кол-во*	%**	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
1946	6	5,0	6	5,0	3	2,5	16	13,2	8	6,6	21	17,4	121
1947	18	12,1	14	9,4	3	2,0	14	9,4	6	4,0	24	16,1	149
1948	8	6,8	10	8,5	8	6,8	7	5,9	8	6,8	21	17,8	118
1949	2	2,2	9	9,7	9	9,7	2	2,2	9	9,7	21	22,6	93
1950	2	1,1	10	5,6	11	6,1	19	10,6	13	7,3	28	15,6	179
1951	2	2,0	8	8,0	11	11,0	3	3,0	6	6,0	11	11,0	100
1952	4	3,2	5	4,0	13	10,5	4	3,2	3	2,4	10	8,1	124
1953	2	1,4	2	1,4	10	7,0	7	4,9	6	4,2	7	4,9	142
1954	8	4,6	8	4,6	4	2,3	7	4,0	2	1,1	2	1,1	174
1955	7	3,6	5	2,6	6	3,1	9	4,6	5	2,6	0	0,0	196
1956	3	1,6	2	1,1	8	4,4	13	7,1	8	4,4	0	0,0	182
1957	22	10,1	7	3,2	6	2,8	15	6,9	10	4,6	0	0,0	218
1958	4	1,8	2	0,9	13	5,9	15	6,8	13	5,9	0	0,0	220
1959	2	1,2	4	2,4	23	13,6	10	5,9	8	4,7	0	0,0	169
1960	8	5,1	1	0,6	9	5,8	7	4,5	5	3,2	0	0,0	156
1961	3	1,7	10	5,8	25	14,5	32	18,6	8	4,7	0	0,0	172
1962	1	0,8	4	3,1	22	16,9	17	13,1	4	3,1	0	0,0	130
1963	4	3,3	4	3,3	16	13,0	10	8,1	9	7,3	0	0,0	123
1964	1	1,1	0	0,0	1	1,1	2	2,1	1	1,1	0	0,0	94
Всего	107	3,7	111	3,9	201	7,0	209	7,3	132	4,6	145	5,1	2860

* Количество плакатов, содержащих данную политическую категорию.

** Долевой показатель от общего числа политических плакатов, вышедших за данный год.

Во-вторых, мнения простых граждан СССР, представленные в источниках личного происхождения, включая письма в верховную власть. Большинство из них относятся к началу 1960-х гг., что позволяет рассматривать подобный материал как некое подведение социально-политических итогов послевоенного развития страны и выражение доверия (или недоверия) к тем или иным лозунгам. Конечно, эти письма не могут раскрыть всей палитры мнений двухсотмиллионного Союза. Их авторы представляются людьми, наиболее активно рефлексировавшими по поводу политической обстановки в стране. При этом, даже критикуя шаги высшего руководства, очевидно, они верили партии и правительству и надеялись, что своим письмом смогут как-то повлиять на ситуацию.

Категорией, призванной укреплять в равной мере политическое и историческое сознание граждан СССР, была *революция*. Из таблицы видно, что особое распространение она предсказуемо получала в юбилейные 1947 и 1957 гг. Вследствие фактора праздничности заметная часть связанной с ней наглядной агитации носила скорее декоративный, чем призывный характер.

Рис. 1. Худ. В. Иванов (1957)

Акцент на поколенческую связь прослеживается и на примере работ В. Иванова. Упоминание об одной из них осталось в очерках художника: «К сорокалетию Советской власти мною был задуман сложный по замыслу плакат. В нем надо было отразить главные этапы развития нашего общества... Соответственно текст плаката звучал так: “В борьбе за Советскую власть, за социализм, за нашу Советскую Родину, за коммунизм народ и партия – едины!”» [8. С. 41]. Каждый из этих этапов представлял герой, символизировавший боевой или трудовой подвиг своего времени. Его неизменное единство с партией выражала монументальная фигура В.И. Ленина. К несколько иным образам прибегнул тот же В. Иванов в плакате «Нашим отцам – героям Октября – слава!» (1963). Память о революции здесь олицетворяли монокроменно выполненные в алом цвете матрос, красно-

Но, вместе с тем, именно по плакатам на революционную тему хорошо реконструируется идеальный портрет советского человека. В этой связи показательна серия из трех работ А. Кокорекина к 30-й годовщине Октября¹, получившая высокое признание как со стороны жюри специального конкурса, так и от коллег и критиков [5. 25 июля; 6. С. 84; 7. С. 191–192]. Среди лозунгов-здравиц в торжественно-портретной и в то же время без прикрас реалистичной манере изображены представители наиболее уважаемых социальных слоев – рабочий, колхозница, военнослужащий. За современными героями еще более монументальные образы их предшественников – революционного пролетария, крестьянина и красноармейца. «Чувствуется уверенность и спокойствие людей, завоевавших свою свободу, хозяев своей жизни, смело глядящих в будущее», – писала об этих плакатах искусствовед Г. Демосфенова [7. С. 192].

В предложенных А. Кокорекиным сюжетах проявился мотив преемственности поколений победителей. Само по себе мотивирующее слово *победа* (включая синонимы) стало частью 155 лозунгов советских героических плакатов 1946–1964 гг.

Рис. 2. Худ. В. Иванов (1963)

гвардеец и солдат. За счет особенностей лозунга они стали частью исторического и даже несколько аполитичного семейного контекста. В сюжете есть и их «потомок», но, в отличие от своего современника из агитки, созданной художником к 40-летию Октября, он не являлся *человеком-деятелем*. Иначе говоря, в 1957 г. это был сталевар, своим трудом двигавший страну к коммунизму, но в 1963 г. – обычный юноша, хотя и искренне гордившийся славным прошлым, но не имевший собственного ярко выраженного социально-политического лица (рис. 1, 2).

Само по себе приближение очередной годовщины великой даты становилось поводом для мобилизации на ударный труд. Агитация такого типа охватывала и тем самым объединяла людей различных регионов, специализаций, укладов и национальных культур. Так, омичей призывали к 29-й годовщине Октября с

честью и досрочно выполнить обязательства области по хлебозаготовкам, данные в письме товарищу Сталину², а, например, узбекских колхозников – встретить 35-ю годовщину выполнением годового плана по сбору хлопка³.

Для плакатов с международным подтекстом революция – не только некая отправная точка советской и мировой истории, но и продолжающийся процесс, особенно актуальный в условиях деколонизации. «Под влиянием идей Октября более 1 300 000 000 человек в Азии и Африке сбросили цепи колониализма»

(1957), – торжественно прозвучало в одной из агиток, где видим флаги Китая, Индии, Египта и других стран, ставших на путь национального возрождения. Или, например, плакат В. Каленского, выпущенный в 1960 г., текстовая часть которого состояла из огромной цифры «1917» и рожденного Октябрьской революцией лозунга «Мир народам!». Образно-символическая основа этого сюжета основывалась на изображении современной демонстрации в поддержку мира, объединившей людей разных национальностей и рас (рис. 3).

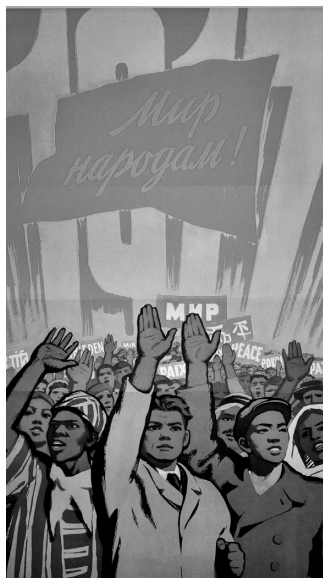

Рис. 3. Худ. В. Каленский (1960)

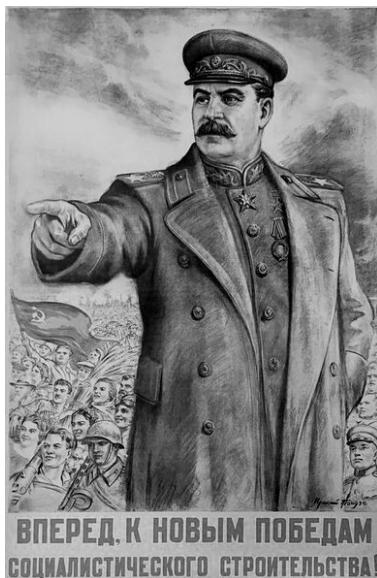

Рис. 4. Худ. И. Тоидзе (1946)

Рис. 5. Худ. И. Тоидзе (1949)

Если же революция «тяготела» к образу прошлого, то перспектива будущего заключалась в **коммунизме** и семантически связанных с ним понятиях. Согласно таблице, с 1948 по 1952 г. количество плакатов на эту тему неуклонно возрастает, хотя с точки зрения долевого показателя уместнее говорить о волнообразном росте. Как произошел качественный скачок в характере политических лозунгов, хорошо заметно на примере работ одного из ведущих советских плакатистов И. Тоидзе. В его агитке за 1946 г. текстовая часть звучала так: «Вперед, к новым победам социалистического строительства!»; в другой, за 1949 г.: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед к победе коммунизма!» При этом в оба плаката художник поместил одних и тех же героев – И.В. Сталина в мундире генералиссимуса (во втором случае есть еще и В.И. Ленин), ряды советских людей, различавшихся в социальном плане, но сплоченных. По форме похожи и сами лозунги, однако по содержанию они уже из идеологически разных эпох (рис. 4, 5). И все же первый всплеск пропаганды коммунизма был скорее расширением идейно-психологических горизонтов. Но как часть повседневной практики он стал позиционироваться со второй половины 1950-х гг., когда в визуальной пропаганде появились первые призывы жить, работать и учиться по-коммунистически⁴. Судя по характеру задействованных образов, это означало полную отдачу и эмоциональный подъем от трудовой деятельности, гармонию духа и тела, готовность развивать себя и других.

Продолжением этой идеологической тенденции можно считать «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый XXII съездом КПСС в 1961 г., постулаты которого также были визуализированы серией плакатов. В них использовались образы современников, характеризующих знакомую, но в то же время идеальную повседневность: счастливые семьи, трудолюбивые и чуткие друг к другу люди, сплоченные дружной народы и т.д. Исходя из количественных данных, относительную регулярность призывы приближать коммунистическое завтра приобрели в 1959–1963 гг. на фоне соответствующей риторики Н.С. Хрущева. В 1962 г. этой теме был посвящен примерно каждый шестой советский плакат. Видна и динамика ухода на второй план категории «**социализм**». По частоте присутствия в лозунгах она стабильно уступает «коммунизму» с 1955 г., становясь уже пройденной, достигнутой целью, тогда как задача плаката была забегать вперед – «тащить понятное время» [8. С. 10].

На примере визуальной пропаганды хорошо заметно, что после XXII съезда и выхода в свет проекта Программы КПСС политическая цель советского общества начала активнее глобализоваться и осмысляться как сумма неких общечеловеческих ценностей, базируясь на тезисе: «Коммунизм утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех». К наиболее типичным плакатам такого плана можно отнести работы М. Соловьева «Комму-

низм — это путь народов к свободе и счастью», Л. Голованова «Советский Союз борется в первых рядах за мир и ведет народы к светлому будущему!» (рис. 6), В. Иванова «Программа КПСС — светоч коммунизма и мира» (все — 1962). Каждая из ценностей имела в советской наглядной агитации и самостоятельное звучание, и собственные образно-символические рамки. Так, после войны главными императивами в отношении советского человека к внешней политике был *мир* и семантически связанные с ним понятия, нашедшие отражение в 297 плакатах за 1946–1964 гг. Широкое раскрытие этой темы обусловило разнообразие задействованного в ней изобразительного ряда, от чисто символических белых голубей до реалистичных интернациональных образов материнства и детства. Понятие *труд*, включая другие контекстуальные синонимы созидания — «работа», «стройка», «пятилетний план», «Первомай» и т.п., — прослеживается в 938 (!) плакатах рассматриваемого

Рис. 6. Худ. Л. Голованов (1962)

Другим аспектом влияния визуальной пропаганды на политическое сознание масс был образ власти и персонализирован образ вождей. С точки зрения количественной динамики за весь период 1946–1964 гг. в плакатных лозунгах *И.В. Сталин* упоминался чаще *В.И. Ленина* — 145 против 132. При этом имя Сталина последний раз названо в агитке, выпущенной в 1954 г.⁵ По частоте изображений он уступил Ленину (135 и 169 соответственно). В последних плакатах, относящихся к 1955 г., вождь предстает уже как сугубо символическая фигура, вписанная в единый ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным⁶ (рис. 7). Впрочем, визуализация советского руководителя в стиле профиля с торжественного барельефа среди кумачовых знамен вполне допускалась и при его жизни⁷. Широк перечень качеств, которыми наделялся Сталин. Вот некоторые из них, обладавшие прямым политическим смыслом: великий вождь советского народа (в лозунгах употреблялся почти как устойчивое словосочетание), светоч и зодчий коммунизма, творец самой демократической конституции в мире и т.п. Иные качества несли более символический и даже семейный оттенок: знамя боевое и знамя дружбы народов СССР, счастье народное, великий друг детей, учитель и отец, родной Сталин.

периода. Активно изображалась промышленная или сельскохозяйственная производственная среда, а *рабочие* или *колхозники* встречались примерно в каждой четвертой-пятой агитке тех лет. Пропаганда созидания получила дополнительный импульс в 1959 г., что было самым прямым образом связано с введением планов семилетки — новшества хрущевской экономической политики. Тогда плакатистов призвали сформировать наглядную агитацию, берущую «на вооружение подъем и пафос, созвучный трудовым победам народа. Наше дело — дело энтузиастов, и здесь немислимы удовлетворенность, стороннее любованье, созерцательность — все, от чего исходит пассивность и остановка» [9. 23 июля]. Категории *свобода* (встречается в 68 плакатах), *равенство* (17), *братство* (30) и *счастье* (87) получили несколько меньшее распространение. Наряду с социальным подтекстом они несли мотив межнациональной и межрасовой солидарности.

Рис. 7. Худ. В. Брискин, К. Иванов (1955)

По замыслу некоторых агиток он становился частью неформальной сферы. Так, к 30-летию БССР вышел плакат, изображавший застолье и цитировавший строки популярной в 1940-е гг. песни⁸: «Тост наш за Сталина! Тост наш за партию! Тост наш за знамя побед!» (на белорус. яз., 1948) (рис. 8). И, надо сказать, это не было идеологическим преувеличением. В частности, томский историк профессор Ю.В. Куперт⁹ вспоминает, что в студенческих компаниях того времени довольно часто можно было услышать «давайте выпьем за Родину» или «выпьем за Сталина», но справедливости ради стоит заметить, если первое все воспринимали воодушевленно, то ко второму порой относились скептически [10].

Вокруг И.В. Сталина концентрировалась и идея сохранения мира во всем мире¹⁰. Некоторые его высказывания, такие как «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира» из речи на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. и «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца» из интервью газете «Правда» от 17 февраля 1951 г., превращались в часть плакатных лозунгов¹¹. Повышение интереса визуальной пропаганды на международные темы к фигуре Ленина обозначилось с 1957 г., когда атмосфера 40-летнего юбилея Октября

сплелась с советской трактовкой антиколониальных и революционных процессов в третьих странах.

После ухода из визуальной пропаганды образа Сталина исчез не только понятный для абсолютного большинства, выверенный способ актуализации различных политических вопросов, но и некий функциональный механизм донесения идей. Разноплановый образ вождя как реального сверхгероя сочетал в себе и революционное прошлое (прославлялся как прямой соратник Ильича¹²), и социалистическое настоящее с перспективой светлого коммунистического будущего [11. С. 179–180]. Образ Ленина, в котором сочетались «мудрость и простота, волевая энергия вождя и мягкость человека» [6. С. 154], все же оставался символом из прошлого. Возникшая огромная ниша не была заполнена Н.С. Хрущевым. Став во главе страны, в известных автору плакатах он появился лишь *трижды*, хотя случаи цитирования его высказываний встречались *13* раз. Тем самым образ политического авторитета был всецело возложен на обобщенно-абстрактную категорию «*партия*», что доказуемо статистически: за период до XX съезда (1946–1955 гг.) она в разных формах фигурирует в *88* агитках, а за оставшееся время нахождения

Хрущева у власти (1956–1964 гг.) – уже в *121*. Визуальное ее воплощение трудно реконструировать однозначно, но, судя по целому ряду сюжетов, собирательный образ *коммуниста* – это мужчина средних лет (иногда уже слегка убеленный сединой), в строгом костюме, нередко с кумачовым знаменем-транспарантом в руках или томом классиков марксизма (рис. 9). С эволюцией подхода к трактовке политического авторитета косвенно связана и другая тенденция, на которую обратили внимание современные исследователи В. Михайлин и Г. Беляева. Отсутствие конкретных и «живых» героев во власти приводило к тому, что изначально преобладавшая в советской визуальной пропаганде здравица («Да здравствует...») стала вытесняться славословием («Слава...»). В первом случае формулировка ориентируется, прежде всего, на текущий момент, обращенный в будущее. Во втором акцент делается на эпическую составляющую сюжета, делая образы участников более монументальными, что по отношению к современникам было далеко не всегда уместным, а значит, снижало эффективность агитации [11. С. 192].

Рис. 8. Худ. С. Романов (1948)

Рис. 9. Худ. В. Иванов (1955)

Рис. 10. Худ. Г. Солонин (1960)

Глядя на количественные данные, можно заметить, что степень распространения политических категорий в советской визуальной пропаганде в долевом плане весьма далека от подавляющей. Безусловно, некоторые агитки с революционными или коммунистическими лозунгами и образами вождей выходили огромными тиражами и чисто технически значительно чаще достигали адресата. Так, один из последних плакатов с изображением Сталина «Вперед, к победе коммунизма!» (1955) насчитывал полмиллиона экземпляров. Как можно убедиться, иногда и сразу несколько политических категорий концентрировалось в рамках одного сюжета. Но многие другие пропагандируемые темы могли выглядеть довольно аполитично. Например, об *образовании* речь шла в *190* плакатах, что вполне сопоставимо с масштабом упоминания коммунизма. Хотя таким просветительским ло-

зунгам, как «Наша страна должна быть самой просвещенной и культурной страной мира» (1946) или «Воспитаем поколение достойных строителей коммунизма!» (1960) (рис. 10), не откажешь в глобальном звучании.

Некоторые современные исследователи отмечали, что большевизм изначально был идеологией позитивного *действия* и, несмотря на свою революционность, созидания [12, 13], а также глубокой *веры* в мессианский идеал будущего [1, 14]. Наряду с пробуждением политического сознания для советской визуальной пропаганды послевоенного периода также оставался значимым призыв к действию как таковому. Помимо понятий «победа» и «труд» подобную смысловую нагрузку несло слово «*борьба*», нашедшее отражение в *158* лозунгах. И хотя по частотным показателям его едва ли можно увязать с какой-либо кон-

кретной пропагандистской кампанией, само по себе оно стало своеобразным символом советской жизни. В частности, как вспоминал профессор М.С. Кузнецов¹³, когда в 1950-е гг. ученые характеризовали какой-либо поступательный процесс в СССР, «тогда слово такое было “в борьбе” – ведь, действительно, все время то троцкисты, то левые, то правые, то еще кто-нибудь...» [15]. По характеру требований к наглядной агитации хорошо заметно, что слабое деятельное начало становилось предметом нареканий. Например, плакатист В. Корецкий критиковал агитку своего коллеги П. Голубя «Наше будущее – коммунизм!» (1950) за то, что «трафаретные, невыразительные лица, отсутствие действенного сюжета обеднили большую и ответственную тему» [6. С. 112]. В 1962–1963 гг. на страницах газеты «Советская культура» вышла серия из четырех статей художников и критиков, где был представлен весьма серьезный разбор состояния плакатно-агитационного искусства, к недостаткам которого в основном относили вялость текстов, шаблонность изображений, а также ремесленную небрежность, порой выдаваемую за новаторство. Несмотря на осмысление проблемного поля, согласно подсчетам, в 1964 г. в плакатах произошел резкий спад распространения политических категорий, а впоследствии агитки с бессодержательными «заклинательными» лозунгами и довольно примитивным образным рядом становились нормой [16. С. 100–101]. Все это было тревожным признаком идейного истощения агитаторов: кризис действия в советской пропаганде подошел вплотную к вопросу о вере в ее призывы.

Безусловно, как и у всякой глобальной концепции, у советской идеологии были и свои последовательные сторонники, и свои заведомые противники. Впрочем, судя по партийным документам регионального уровня, если в начале 1950-х гг. на волне первого усиления коммунистических лозунгов, например, комсомолец высказывал «неверие в построение коммунизма в нашей стране», то это расценивалось не как результат враждебных происков, а именно как признак поверхностной идеологической работы [17. Л. 244]. Но после хрущевской риторики большое сомнение появилось и у тех, кому не откажешь в политической грамотности. Так, М.С. Кузнецов, бывший в то время на преподавательской и партийной работе, вспоминал, что когда на XXII съезде «Хрущев ляпнул: “К 1980 году коммунизм построим в нашей стране”», – и на различных собраниях было трудно это прокомментировать, он в полушутливой форме говорил слушателям, что если даже явно цель не может быть достигнута, «борьба за ее осуществление удесятерит силы» [15]. Чувство идеологического противоречия шло от хрущевской трактовки сути и сроков прихода коммунизма. «Он понимал коммунизм так, что у каждого человека будет сколько хочешь колбасы; у него поговорка была: “лучше нет на свете птицы, чем свиная колбаса”¹⁴. Вот это меня потрясло, и я понял, что это глупость, с чего все и началось», – делится своими ощущениями еще один современник тех событий, историк, доцент ТГУ Б.С. Жигалов¹⁵ [18]. Такой материально-гастрономический подход к коммунизму, особенно в усло-

виях продовольственного кризиса 1963–1964 гг., обращался в чисто тактическую ошибку руководства, не говоря уже об идейной стороне дела.

Подробный разбор политических итогов рассматриваемого периода содержали письма советских граждан, присланные в Совмин СССР сразу после отставки Н.С. Хрущева. Всего в нашем распоряжении 119 подобных откликов. 95 из них имели замечания и пожелания по экономическим вопросам, 10 – отсылки к межэтническим отношениям; 52 касались внешнеполитического курса, 72 – характера власти, 31 – идеологической сферы. В ряде писем все это рассматривалось в комплексе; кроме того, не считая трех примеров поддержки Хрущева, их объединяет негативное отношение к стилю его руководства, нашедшее отражение в острокритических, саркастических и даже порой бранных характеристиках, которые ставили под большой вопрос многие лозунги, порожденные хрущевским десятилетием. Яркий пример тому мнение офицера-фронтовика, коммуниста, кавалера восьми правительственных наград, а на тот момент 42-летнего скромного учителя математики, Ю.В. Ждярского, письмо которого получило резолюцию: «Лично ознакомить т. Косыгина и, возможно, членов Президиума Совмина». Он предлагал судить Хрущева показательным судом за многочисленные политические и экономические провалы, мотивируя это так: «Разве не позор, что на 48-м году после победы Великого Октября мы вынуждены крохи продуктов получать по карточкам... понимаю, что мы во имя светлых идеалов должны испытывать определенные лишения, но, в конце концов, эти лишения должны быть в пределах нормы, в пределах объективности». Далее следовал призыв уже к новым руководителям «по-ленински объяснить народу, что отстранение Хрущева – это не его желание, не его старческая болезнь, а вполне законная необходимость»¹⁶ [19. Л. 61–63]. Не углубляясь в экономическое и внешнеполитическое сознание советского человека, которое нашло отражение во многих письмах и достойно отдельного рассмотрения, отметим, что вышеприведенные строки Ю.В. Ждярского вписываются и в политико-идеологические суждения других граждан.

Оставался незыблем образ Ильича: «как учил Ленин», «ленинские принципы», «по-ленински», «быть ленинцем», – все это было символическим критерием к оценке действий руководства, несоответствие которому, как и спекуляция на ленинизме, считалось тяжким ударом по авторитету. В довольно резком письме А. Балахонova из Новосибирска читаем следующее: «...как Вы будете выполнять программу КПСС – эту сказку. Сказка потому, что вы разорили Русь Святую. Был бы Ленин и посмотрел на вас... он сказал бы “преступление”» [Там же. Л. 33 об.]. Так, даже представление о Святой Руси и гипотетический ленинский взгляд на ее нынешнее состояние встали на одну ценностную плоскость. Сама по себе принадлежность к революционному времени рисовала определенный идеал поведения, который не следовало забывать как власти, так и обществу: «Я и мои боевые друзья, однопольчане, гордимся тем, что принадлежали к славной когорте русских людей двадцатых годов, прини-

мавших участие в свершении социалистической революции в России и в течение нескольких десятилетий защищавших государственные интересы Советского Союза с оружием в руках... Нам было очень трудно во всех отношениях, но мы никогда не выражали недовольства и не думали о личном благополучии», – писал об особенностях людей своего поколения беспартийный отставной полковник Торбецкий [20. Л. 110–115].

Критикуя руководство, в целом авторы писем не отвергали коммунистические идеи. Напротив, развитие событий возвратило «веру в партию и ее марксистско-ленинское учение. При хвастуне Хрущеве народы потеряли веру» [Там же. Л. 20]. Оставшаяся безымянная киевлянка отмечала, что «собственно в идеи верят много, но отвратительно, что столько лжи вокруг!» Она была противницей громких публичных разоблачений Н.С. Хрущева: «Так много молодым умам, молодому поколению повредило разоблачение Сталина, что ошибки этой не надо повторить» [Там же. Л. 28]. Такое чисто идеологическое соображение перекликалось с требованиями некоторых граждан пересмотреть официальную позицию по фигуре И.В. Сталина. Довольно взвешенно на этот счет высказался некий И.В. Васильев: «Если культ личности И.В. Сталина принес большой вред делу коммунистического строительства, то ликвидация последствий культа личности хрущевскими методами, на наш взгляд, принесла еще больший вред морально-политическому единству партии и народа, монолитности общества, не говоря уже о единстве мирового коммунистического движения». И заключил в конце письма: «Умалять авторитет т. Сталина – это значит наносить вред делу коммунистического строительства и подрывать свой авторитет как руководителя советского общества» [19. Л. 24–27 об.]. Метафорой из наглядно-агитационной практики обозначил конфликт образов вождей ленинградец И. Зюрев, заявив, что Хрущев манипулировал культом личности, «чтобы снять со знамени марксизма-ленинизма гордый профиль И.В. Сталина и впоследствии поместить свой, тусклый и невыразительный» [Там же. Л. 58 об.]. Далее автор письма, хорошо помнивший призывы сталинского времени, заметил, что Хрущев просто присвоил своему правлению идею перехода от социализма к коммунизму, звучащую гораздо раньше. Добавим лишь, что негативное восприятие генсека формировалось и вне идеологического пространства, ассоциируясь не столько с тиражируемыми лозунгами, сколько с публичной его деятельностью, навязчивые, «воспеваемые подхалимами» подробности которой раздражали советских граждан.

В целом письма показывают, что адресанты хотя и могли чего-то не знать достоверно, но за долгие годы политического просвещения в СССР и многолетний опыт пропаганды хорошо научились вникать в суть идеологических процессов. Исходя из имеющихся подписей, можно заключить, что в основном они были людьми зрелыми. Молодежь, возможно, уже недостаточно доверяла верховной власти, чтобы выходить с ней на прямой диалог, или просто не имела необходимых для этого идей. То, что в результате хрущевского десятилетия именно молодые люди утратили «четкую линию развития», веру в партию и дисциплину, вызывало конкретные опасения некоторых граждан [19. Л. 39, 90, 105; 20. Л. 112, 120]. Их собственное доверие политическим лозунгам находилось в зависимости от отношения к руководству, причем как к прежнему, так и к нынешнему. С точки зрения массового тиражирования, проанализированного на примере агитационного плаката, это означает, что в течение всего периода 1946–1964 гг. принципиальных возражений не вызывали только образы В.И. Ленина и Великого Октября. Но и они, будучи частью прошлого, не могли в достаточной мере обеспечить пропаганду деятельным поступательным настроем, оставаясь лишь неким моральным идеалом. А побудительные лозунги и образы текущего момента, включая впервые распространяемую еще при И.В. Сталине идею движения к коммунизму, к началу 1960-х гг. понесли значительный ущерб от неблагоприятного политического портрета Н.С. Хрущева (он формировался в основном вне плакатов). Но на последовавшие изменения общественных настроений пропагандисты начали отвечать, по сути, идеологической перестраховкой, пустив в тираж самые общие абстрактно-нейтральные и мало волнующие призывы.

Предпринятый анализ показал, что рассматриваемый период во многом стал переломным для советской идеологии. На его исходе обозначились кризисные проявления, которые могут быть расценены как моральные предпосылки распада СССР. Главным историческим уроком здесь представляется то, что судьба даже самых глобальных и в целом поддерживаемых народом идей и проектов в существенной мере зависит от образа вождя, т.е. личностно-ориентированного феномена лидерства. Идеология реализуется в конкретных деятелях, их непустых словах и политических поступках. При этом абстрагирование лозунгов и образов, перевод пропаганды в безотносительное, вроде бы всеми поверхностно одобряемое содержание ведут к консервации идеологического кризиса и не способствуют подлинному сплочению нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Плакаты А. Кокорекина представляли собой единый замысел, реализованный в трех вариантах главного героя и сопутствовавшего лозунга («1917–1947 Да здравствует наш победоносный рабочий класс!»; «1917–1947 Да здравствует наша победоносная Советская Армия»; «1917–1947 Да здравствует наше победоносное колхозное крестьянство»).

² См.: И. Шульпин «Омичи! С честью выполним свои обязательства, данные в письме великому вождю народов товарищу Сталину. Уберем без потерь урожай первого года новой Сталинской пятилетки. К великому празднику 29-й годовщины Октября досрочно выполним план хлебозаготовок по вашей области» (1946).

³ См.: А. Венедиктов «Встретим 35 годовщину Октября выполнением плана хлопкозаготовок!» (1952).

⁴ См. напр.: В. Сурьянинов «Работать, учиться и жить по-коммунистически!» (1956); В. Иванов «Работай по-коммунистически!» (1958).

⁵ См.: В. Иванов «Под знаменем Ленина-Сталина, под руководством коммунистической партии – вперед, к торжеству коммунизма!» (1954).

⁶ См.: В. Брискин, К. Иванов «Вперед, к победе коммунизма!» (1955); В. Кайдалов «Партия – наш рулевой!» (1955); Н. Божко «На фабрике, в школе, в колхозе, в забое будем продолжать славу героев!» (на укр. яз., 1955).

⁷ См. напр.: И. Ганф «Вперед к коммунизму!» (1950).

- ⁸ Песня «Наш тост» («Гвардейская застольная») на музыку И. Любана и слова М. Косенко и А. Тарковского.
- ⁹ Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского Государственного университета. В 1948–1953 гг. – студент историко-филологического факультета ТГУ. Член КПСС с 1952 г.
- ¹⁰ В. Иванов «Сталин – великий знаменосец мира» (1950).
- ¹¹ См. напр. Б. Березовский, И. Шагин «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира (И. Сталин)» (1949); Б. Белопольский «Мир народам!» (1952).
- ¹² См. напр. Н. Карповский «Слава великим вождям Октября!» (1952).
- ¹³ Михаил Сергеевич Кузнецов (1922–2015) – историк, профессор Томского государственного университета. В 1950-е гг. – преподаватель истории КПСС в ряде учебных заведений г. Томска. Член ВКП(б) с 1947 г.
- ¹⁴ Поговорка «Нет на свете краше птицы, чем свиная колбаса!» даже дополняла текстовую часть плаката А. Мосина «Развивайте свиноводство!» (1955).
- ¹⁵ Борис Степанович Жигалов (род. 1932) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1961 г. – аспирант историко-филологического факультета ТГУ. До 1971 г. – беспартийный.
- ¹⁶ Действительные причины отставки Н.С. Хрущева официально не были озвучены. Советские люди сами догадывались о реальной подоплеке этого политического шага или узнавали об этом из внешних источников. Это обстоятельство дало повод для критики властей за недоверие к народу: «Народ узнает о том, что происходит в его стране, из зарубежных передач», – негодовали авторы писем [20. Л. 96 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Картунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009. 589 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008. 1200 с.
3. Левада Ю.А. Поколения XX века. Возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 39–60.
4. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. 304 с.
5. Советское искусство. 1947.
6. Корецкий В.Б. Заметки плакатиста. М., 1958. 168 с.
7. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М., 1962. 444 с.
8. Иванов В.С. Как создается плакат. М., 1963. 62 с.
9. Советская культура. 1959.
10. Интервью с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // Личный архив автора.
11. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. Энтузиаст, сын героя: эволюция устойчивых конвенций в «оттепельном» плакате // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 176–194.
12. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. 256 с.
13. Вахитов Р.Р. Революция, которая спасла Россию. М., 2016. 224 с.
14. Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010. 320 с.
15. Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. Сентябрь 2013 г. // Личный архив автора.
16. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 89–109.
17. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924 (II).
18. Интервью с Борисом Степановичем Жигаловым. Томск. Ноябрь 2014 г. // Личный архив автора.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1614.
20. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1631.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 декабря 2017 г.

“BY LENIN’S WAY TO HAPPINESS AND GLORY”: VISUAL PROPAGANDA OF THE 1940S–1960S AND THE POLITICAL IDEAL OF THE SOVIET PERSON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 132–140.

DOI: 10.17223/15617793/431/18

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: USSR; visual propaganda; letters to power; communism; revolution; Lenin; Stalin; political ideal.

The aim of the article is the reconstruction of this ideal and the determination of its influence on the changes of the public mood in the USSR. In the article, the case of some aspects of the Soviet mass propaganda of the late 1940s – early 1960s, when after the victory in the Great Patriotic War communism was claimed as the global aim of the development of the Soviet society, is observed. On this background, the Soviet person’s values, achievements, expectations and authorities were particularly comprehended, compiling a single political ideal. Two interconnected dimensions were observed: the official point of view, which was most intelligibly and vividly replicated by means of visual propaganda; and the opinions of the common Soviet citizens, who could express trust or distrust to some of the political slogans in their judgments. The basis of the researched sources consists of 2,860 propaganda posters of 1946–1964, poster-makers’ notes, reviews about the development of visual propaganda in the USSR, as well as various sources of personal origin: letters to the supreme power from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the author’s interviews with the representatives of the older generation. The main methods of research were content- and intent-analysis, aimed at revealing the dynamics and specificity of depicting the notional political categories of Revolution, Socialism, Communism, Party, images of the Leaders in Soviet posters. In the analysis of the sources of personal origin, standard methodological activities of interpretation, typology, generalization were used. The analysis allows making the following conclusions. During the overall period, among the mentioned political categories of visual propaganda, only the image of V.I. Lenin and the Great October did not cause the Soviet citizens’ principal objections. But, as part of the past, it could not sufficiently provide the propaganda with an active, progressive mindset, remaining just a moral ethos. The actual political ideals, reflected in the slogans and images of the time, including the idea of moving forward to communism first distributed during I.V. Stalin’s rule, by the beginning of the 1960s, had been discredited by N.S. Khrushchev’s unfavorable political portrait. Propagandists reacted to the following changes of the public mood by ideological reassurance: the most general abstract-neutral and little-motivating calls were replicated. Thereby, crisis phenomena, which may be regarded as moral premises of the disintegration of the USSR, appeared in the Soviet ideology.

REFERENCES

1. Kortunov, S.V. (2009) *Natsional'naya identichnost'. Postizhenie smysla* [National identity. Comprehension of meaning]. Moscow: Aspekt Press.
2. Kara-Murza, S.G. (2008) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
3. Levada, Yu.A. (2005) Pokoleniya XX veka. Vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the twentieth century. Possibilities of research]. In: Levada, Yu.A. & Shanin, T. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and children: generation analysis of modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Danilov, A.A. & Pyzhikov, A.V. (2001) *Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody* [The birth of a superpower: the USSR in the first post-war years]. Moscow: ROSSPEN.
5. *Sovetskoe iskusstvo*. (1947).
6. Koretskiy, V.B. (1958) *Zametki plakatista* [Notes of a poster artist]. Moscow: Izd-vo Sovetskiy khudozhnik.
7. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo.
8. Ivanov, V.S. (1963) *Kak sozdaetsya plakat* [How to create a poster]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR.
9. *Sovetskaya kul'tura*. (1959).
10. Personal archive of the author. *Interv'yu s Yuriem Vasil'evichem Kupertom. Tomsk. Fevral' 2014 g.* [Interview with Yuri Vasilievich Kupert. Tomsk. February 2014].
11. Mikhaylin, V.Yu. & Belyaeva, G.A. (2012) Enthusiast, the son of a Hero: evolution of ideological and visual conventions in late Soviet political poster. *Neprikosnovennyy zapas*. 3. pp. 176–194. (In Russian).
12. Žizek, S. (2003) *13 opytov o Lenine* [13 experiments on Lenin]. Moscow: Ad Marginem.
13. Vakhitov, R.R. (2016) *Revolutsiya, kotoraya spasla Rossiyu* [A revolution that saved Russia]. Moscow: TD Algoritm.
14. Kara-Murza, S.G. & Osipov, G.V. (2010) *SSSR – tsivilizatsiya budushchego. Innovatsii Stalina* [The USSR: the civilization of the future. Innovations of Stalin]. Moscow: Izdatel'stvo "Yauza".
15. Personal archive of the author. *Interv'yu s Mikhailom Sergeevichem Kuznetsovym. Tomsk. Sentyabr' 2013 g.* [Interview with Mikhail Sergeyevich Kuznetsov. Tomsk. September 2013].
16. Mikhaylin, V.Yu. & Belyaeva, G.A. (2013) "Nash" chelovek na plakate: konstruirovaniye obraza ["Our" person on the poster: the design of the image]. *Neprikosnovennyy zapas*. 1. pp. 89–109.
17. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1924 (II). (In Russian).
18. Personal archive of the author. *Interv'yu s Borisom Stepanovichem Zhigalovym. Tomsk. Noyabr' 2014 g.* [Interview with Boris Stepanovich Zhigalov. Tomsk. November 2014].
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1614. (In Russian).
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1631. (In Russian).

Received: 07 December 2017